

Вырезка из газеты

ТРУД

г. Москва

26 СЕН 1982

Знакомые имена

Марчелло Мастроянни

Получить интервью у Марчелло Мастроянни — настоящая удача для журналиста. Не потому, что знаменитый итальянский актер не любит прессу, а скорее из-за того, что он вынужден оберегать свою личную жизнь от назойливого любопытства. Мне повезло, за что я благодарен рабочему пригороду Парижа — Шампиньи. Дело в том, что это местечко — побратим итальянского курорта Розиньяно-Мариттимо, где живет Мастроянни. Связь между двумя городками укрепилась благодаря тому, что обеими мэриями управляют коммунисты. Устроив фестиваль итальянских фильмов, французская мэрия посвятила его творчеству Марчелло Мастроянни и пригласила актера выступить в Культурном центре имени Жерара Филипа.

...У Мастроянни борода, бакенбарды и усы. Чуть сутулится. Коротко постриженные черные волосы начали седеть. Держится просто и скромно. Приветлив, предупредителен. Часто улыбается, морщит лоб. Говоря, жестикулирует, как и подобает итальянцу. Подкупает то, что он относится к себе с юмором и постоянно готов подшутить над «знаменитым актером Мастроянни».

— Услышав мою речь, какой-то человек воскликнул: «Да он говорит, как все!» — Вспоминая об этом, Марчелло смеется. — Пресса представляет меня и других артистов какими-то ненормальными субъектами, которые должны обязательно отличаться от остальных. Очень жаль, ведь это затрудняет мне общение с людьми.

«Крестной матерью» актера стала Джульетта Мазина, замечательная итальянская актриса. Марчелло познакомился с ней еще студентом Римского университета. Мазина привела его в труппу, с которой работал Л. Висконти. Так в 1947 году, 22 лет от роду, Марчелло попал на сцену — послушав новичка, маэстро Висконти предложил ему перейти в профессионалы.

Первой пьесой, в которой выступил Мастроянни, была «Трамвай «Желание» Т. Уильямса. Затем его ждали другие маленькие роли, а четыре года спустя — дебют в кинематографе. Там он снова изображал второстепенных персонажей, которых теперь образно именуют «шоферами такси». Так продолжалось до тех пор, пока Феллини не пригласил его сняться в главной роли в фильме «Слад-

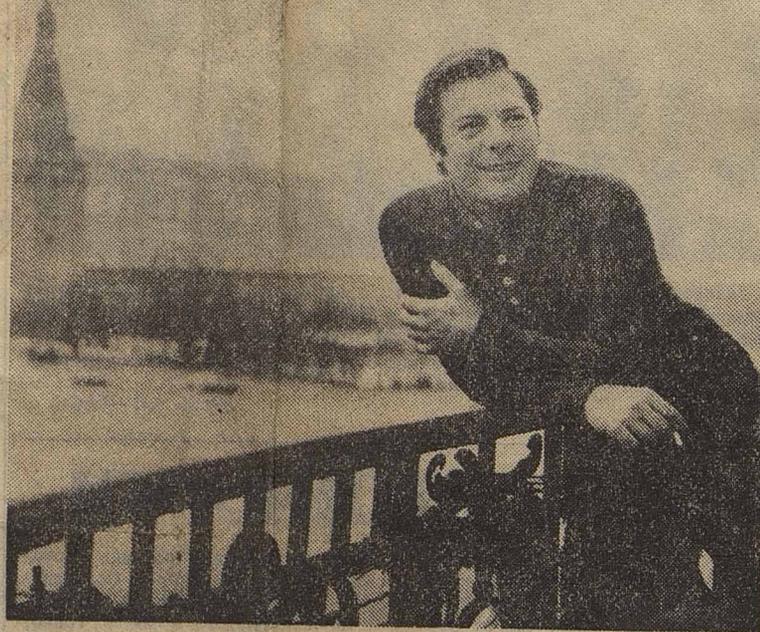
кая жизнь». С тех пор Марчелло верен кино.

Поначалу молодой актер играл наивного, доброго, недалекого «среднего» итальянца. Затем, после «Сладкой жизни», — уставшего буржуазного интеллигента, сознающего, что ценности его класса поставлены под угрозу. Позже он начал браться за более оригинальные, даже неожиданные роли. Однако и в его «отрицательных» персонажах зритель видит немало привлекательного, человеческого, понятного.

Речь заходит о последних лентах Мастроянни. В Париже идет «Шкура», снятая молодым режиссером Л. Кавани. Там немало кадров, показывающих войну и насилие. «Война — страшная штука, — замечает актер. — Я считаю себя обязанным в какой-то мере даже провоцировать у людей отвращение к ней, напоминая, с чем она связана».

С удовольствием работает Мастроянни не только с Феллини, но и со Сколой, Феррери, другими режиссерами. Кредо актера — доверие режиссеру. Беда в том, что авторы фильмов стареют. «Я всегда снимался, — замечает он, — с мастерами моего возраста. Теперь приходится думать о молодых. Это не просто. Я ведь состарился вместе со своими режиссерами, у нас те же вопросы к миру, зачастую одинаковые ответы. У новых поколений они иные. Но я хочу работать с молодыми постановщиками».

Если его послушать, актер не делает на съемочной площадке ничего особенного, играет, как все. К тому же постарел. Но раз ему

предлагают сценарии, значит, все в порядке, он еще имеет успех. Мастроянни улыбается: «Быть может, благодаря опыту?» Следующий фильм будет сниматься с 26-летним бразильским режиссером по книге Ж. Амаду. Тот уже сделал по роману Амаду ленту «Донна Флора и два ее мужа».

Дела итальянского кино сегодня не так блестящи, как раньше. В первых, велика конкуренция телевидения. Появилось несметное число частных телестанций, демонстрирующих фильмы. Их необходимо контролировать, пока они не нанесли непоправимого ущерба другим видам искусства. Во-вторых, большое число трагических событий омрачает сейчас повседневную жизнь, и люди предпочитают легкие ленты, хотя развлечься, отдохнуть. Интересные кинопроизведения появляются, но создавать их все труднее.

Марчелло Мастроянни убежден: необходимо говорить средствами кино о том, что происходит в мире. Артист не вправе оставаться равнодушным!

Конечно, судьбы кино определяются не только остротой тех или иных проблем. В Англии полно нерешенных вопросов, а ее кино умерло. В искусстве свои сложности. Велика роль бизнесменов, для

которых главное — прибыли, а вовсе не создание шедевров. Вот почему Феллини два года ждет того, кто вложит средства в его новую работу. Два года ожидает возможности снимать Петри. Что же говорить о трудностях молодых!

Марчелло констатирует: на Западе падает посещаемость фильмов, ухудшается качество лент. Давно покатился вниз Голливуд. В начале падения там вспомнили о популярных иностранных исполнителях, надеясь за счет их славы поправить собственные дела. В тот момент предложение сниматься в США пришло и к Марчелло.

— К сожалению, я не говорю по-английски, — весело рассказывает Мастроянни, — хотя прочитал все учебники. Поэтому я ответил, что готов сыграть роль глухонемого шерифа. Лошади, стрельба, драки, погоня — речь там не нужна. Зато, изображая глухонемого, актер должен искать дополнительные выразительные средства. У моего шерифа была бы, к примеру, ленивая лошадь...

Голливуд ответил, что глухонемой их не интересует. Марчелло усмехается: «В то время меня и не привлекала работа за океаном. Вот сейчас, на мой взгляд, в американском кинематографе есть новые та-

ланты, страна переживает кризис, и режиссеры отзываются на ужасы социальной реальности хорошими работами».

Примерно в 120 фильмах снялся актер. Из них 20 он считает блестящими. И особо выделяет работу с Федерико Феллини. Без него Марчелло по-прежнему играл бы «шоферов». «Думаете, так говорю из скромности?» — спрашивает он. — Скромных актеров не существует в природе! Зато есть отличные мастера сцены, которые так и не встретили своего Феллини».

Стать режиссером? Нет, не его это профессия. Достаточно трудностей у самого актера. Самая большая из них — определить, как играть. Чтобы войти в роль, Мастроянни вспоминает людей, которых знал. «Станиславский, — говорит он, — учил строить типаж из мозаики. Вот и ко мне новый герой входит постепенно. Выдумываешь вещи, не связанные непосредственно с ним. Но все время думаешь об этом существе, как о любимом человеке. В конце концов проникаешься к нему симпатией и сам частично становишься им. А отыграв на съемочной площадке, вольно или невольно тащишь его домой».

Чувство юмора не покидает собеседника: «Не верьте, когда актеры говорят, что дома ведут себя, как изображаемые ими персонажи. По-моему, они придумывают это для красного словца, чтобы сказать знакомым или журналистам, что страдают дома, как их герои».

Говоря о женщинах в итальянском кино, он восклицает: «С моей точки зрения, это прежде всего Софи Лорен. В ней одной сразу столько женщин! Хотя, впрочем, все актрисы прекрасны, если только они не капризничают».

Актер хорошо помнит свои первые трудные годы. Ему кажется, что это было вчера... «В молодости, — подчеркивает мой собеседник, — мне казалось, что достаточно быть красивым и носить модный галстук. Однако наступает час, когда морщины на лице становятся красивее галстука, а типаж, которых изображаешь, оказываются столь же сложны, как живые люди. Это прекрасно!»

Александр ИГНАТОВ.
[Соб. корр. АПН — специально для «Труда»].

ПАРИЖ.

Этот снимок популярного итальянского киноактера сделан несколько лет назад в Москве на балконе гостиницы «Националь».

Фото Н. ГНИСЮКА.